

ПРАВО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Владимир ПРИМАК,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник

НИИ частного права и предпринимательства имени Ф. Г. Бурчака Национальной академии правовых наук Украины

Summary

The article examines the main approaches of the European Court of Human Rights to address the issue of legal-factual basis and conditions of a subjective right to compensation for moral damages. On this basis the author formulates its own proposals on how to improve the national law enforcement. Especially emphasizes the importance of natural law principles of justice, reasonableness and good faith, intended to play a key role in the application of the legal mechanism of material compensation for intangible losses. Attention is focused on the legitimacy of the application in this context an adequate theory of causation, and the objective (regardless of fault) liability of public law entities.

Key words: moral damages, court, basis and conditions of liability, causation, justice, reasonableness, good faith.

Аннотация

В статье рассматриваются основные подходы Европейского суда по правам человека к решению вопроса об юридико-фактическом основании и условиях возникновения субъективного права на возмещение морального вреда. На этой основе автор формулирует собственные предложения о способах совершенствования национальной правоприменительной практики. Особенно подчеркивается значение естественно-правовых принципов справедливости, разумности и добросовестности, призванных играть ключевую роль в применении правового механизма взыскания материальной компенсации за причинение неимущественных потерь. Акцентируется внимание на обоснованности применения в указанном контексте теории адекватной причинной связи, а также объективной (независимо от наличия вины) ответственности публично-правовых образований.

Ключевые слова: моральный вред, суд, основание и условия ответственности, причинная связь, справедливость, разумность, добросовестность.

Постановка проблемы. Многие государства, возникшие на постсоветском пространстве, столкнулись с существенными проблемами в процессе становления такой новой составляющей их правовых систем, как институт возмещения морального вреда. В доктринальном плане до сих пор сохраняется неопределенность относительно надлежащей сферы использования названного способа защиты гражданских прав и интересов, оснований и условий его применения, субъектного состава возникающего охранительного обязательства по возмещению причиненного морального вреда, критериях определения справедливого размера причитающейся потерпевшему компенсации.

Актуальность темы исследования. Имея первостепенную духовную ценность, многие личные неимущественные блага, с одной стороны, оказываются легко подверженными негативному воздействию извне, а с другой стороны, не могут иметь своего материального эквивалента, что препятствует применению в случаях посягательств на указанные объекты присущего институту гражданско-правовой ответственности принципа полного возмещения вреда. В силу этого обстоятельства решающей предпосылкой для адекватного функционирования механизма компенсации морального (не-

имущественного) вреда и, одновременно, ключевой гарантией обеспечения эффективности его правового воздействия следует признать прямое применение морально-правовых принципов справедливости, разумности и добросовестности для определения допустимости и масштабов использования рассматриваемого способа защиты гражданских прав. Конкретные ориентиры для формирования надлежащей судебной практики в указанной сфере помогает отыскать анализ решений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд).

Состояние исследования. Проблематикой защиты личных неимущественных прав и интересов, а также вопросах правового регулирования общественных отношений, которые возникают по поводу взыскания компенсаций за нарушения личных неимущественных прав, сегодня активно занимается целый ряд исследователей, среди которых, в частности, выделяются О.В. Гришук, В.П. Палиук, Р.А. Стефанчук, С.И. Шимон, А.М. Эрделевский. Поскольку же институт возмещения морального вреда существует в праве постсоветских государств сравнительно недавно, то в научных публикациях, посвященных затронутой тематике, равно как и в судебной практике национальных судов (в том числе и конституционных) большое внимание

уделяется анализу выработанных ЕСПЧ подходам к решению вопроса об основаниях, условиях и размерах взыскания компенсаций за причиненные субъектам права неимущественные потери.

Учитывая изложенное, целью настоящей статьи является выявление правовых позиций ЕСПЧ относительно юридико-фактического основания и условий возникновения у потерпевшего лица права на получение компенсации за причиненный ему моральный вред, а также выработка конкретных рекомендаций для использования соответствующих подходов в национальной правоприменительной практике.

Изложение основного материала. Вполне очевидно, что в каждом рассматриваемом деле Суд прежде всего исследует вопрос о наличии нарушения со стороны государства-ответчика конкретных положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Но установление факта противоправного посягательства на фундаментальные права и свободы личности совсем не обязательно влечет возникновение у потерпевшего права на возмещение морального вреда.

Будучи неправомерными актами – правонарушениями, все нарушения субъективных прав могут рассматриваться как непосредственный юридический повод (частноправовое юридико-факти-

ческое основание) для применения надлежащих средств компенсационно-имущественной защиты. Однако для того, чтобы возложение такого имущественного обременения на обязанное лицо было не произвольным, а действительно справедливым, пропорциональным относительно характера противоправного деяния и его последствий, применение мер гражданской ответственности (к которым относится и возмещение морального вреда) должно быть обусловлено наличием ряда условий, характеризующих объективную и субъективную стороны неправомерных действий или бездействия. Традиционно под этими условиями имеют ввиду непосредственно причиненный имущественный или немущественный вред, противоправность действий нарушителя чужого субъективного права, наличие причинно-следственной связи между его поведением (или совершенным правонарушением) и наступившими для потерпевшего негативными последствиями, а также вину правонарушителя.

Есть основания полагать, что с точки зрения Европейского суда по правам человека необходимым условием для компенсации заявителю причиненного ему морального вреда является не наличие последнего как такового, а причинение потерпевшему именно достаточно существенного вреда, который в силу своей весомости или неординарности требует предоставления потерпевшему специального удовлетворения за счет государства-ответчика. Очевидное подтверждение сказанному мы находим в решениях ЕСПЧ, в которых прямо говорится о том, что сама констатация факта нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод является иногда достаточной сатисфакцией за причиненный заявителю нематериальный ущерб [1]. По всей вероятности, практика Суда в обозначенном аспекте отражает влияние германского и швейцарского права, в которых необходимость присуждения компенсаций за причинение морального вреда объясняется преимущественно серьезностью посягательства на права личности [2].

Иными словами, масштаб негативных последствий правонарушения должен достигнуть такой степени, когда отказ от присуждения компенсации выглядел бы явно несправедливым, учитывая суть понесенных потерь, и очевидно нераз-

умным – с точки зрения необходимости предупреждения совершения аналогичных правонарушений в будущем и побуждения всех участников общественных отношений проявлять должную добросовестность. Думается, что следование такому подходу в национальной правоприменительной практике позволило бы избежать опасности попадания «в капкан» отстаиваемой многими учеными презумпции наличия морального вреда, наличествующего якобы в каждом случае нарушения чьих-либо прав. Тогда как если такого рода презумпция и может применяться, то исключительно с целью усиленной защиты лиц, находящихся в нарушенных правоотношениях в заведомо уязвимом положении по отношению к правонарушителю или в ситуациях, когда целесообразность ее использования объективно диктуется самой сутью совершенного правонарушения.

Примером тому может служить решение ЕСПЧ от 15 октября 2009 г. по делу «Юрий Николаевич Иванов против Украины», в котором Суд через ссылку на дело «Бурдов против России» (№ 2) подтвердил существование обоснованной и одновременно опровергаемой презумпции, в соответствии с которой чрезмерно продолжительное судебное производство дает основания для возмещения морального вреда. Причем, как подчеркнул Суд, такая презумпция является особенно непререкаемой в случае чрезмерной задержки исполнения решения, вынесенного против государства, поскольку несоблюдение им своего обязательства по возвращению долга после того, как заявитель, пройдя судебный процесс, добился успеха, неминуемо вызовет у него чувство отчаяния [3].

В том же плане могут трактоваться и эмоциональное удивление [4], которое высказал ЕСПЧ по поводу отказа украинского суда удовлетворить требование истца о возмещении морального вреда, причиненного нарушениями в сфере жилищных правоотношений, и уверенность Суда в том, что при рассмотрении трудовых споров национальные суды обязаны проявлять особенную добросовестность [5].

В течение многих лет для науки гражданского права бывшего СССР и ряда вновь образовавшихся на его месте государств практически неразрешимой оставалась проблема определения надежных критериев наличия юридиче-

ски значимой причинной связи между совершенным правонарушением и наступившим вредом. В свете трудностей, испытываемых в этой сфере научным сообществом и судебной практикой, весьма продуктивным видится взаимодействие соответствующих подходов, применяемых Европейским судом по правам человека. Ведь нет сомнений, что при установлении зависимости между выявленным нарушением прав человека и причиненными заявителю немущественными потерями Суд, как правило, исходит из теории адекватной причинной связи, обоснованно отмечая очевидность [6] либо высокую вероятность [7] предполагаемого воплощения морального вреда.

Следует подчеркнуть, что акцент на вероятностном характере причиненного потерпевшему морального вреда естественным образом решает и проблему доказывания его наличия. Особенно иллюстративными в затронутом контексте выглядят соображения, изложенные ЕСПЧ в известном решении от 28 мая 1985 г. по делу «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства»: «С точки зрения его природы, утверждаемый моральный вред не всегда может быть предметом четкого доказывания. Однако разумно предположить, что лица, которые, как заявительницы, столкнулись с проблемами начала либо продолжения своей супружеской жизни, могут испытать страдания и тревогу» [8]. Такой правовой позицией Суд четко ориентирует на самодостаточность объективной оценки обстоятельств дела для вынесения обоснованного суждения о немущественных последствиях совершенного правонарушения, что в значительной мере дезавуирует положения пунктов 4 и 17 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 31 марта 1995 г. «О судебной практике по делам о возмещении морального (немущественного) вреда» относительно доказывания наличия морального вреда.

Именно вероятностный характер морального вреда рельефно предстает в таком, например, положении решения ЕСПЧ от 6 сентября 2007 г. по делу «Кучерук против Украины»: «Суд указывает на сформулированный им выше вывод о том, что органы власти подвергли заявителя нечеловеческому и унижающему достоинство обращению и не провели оперативного и открытого расследова-

ния, которое удовлетворяло бы требованиям статьи 3 Конвенции. Также было установлено, что его лишили свободы с нарушением статьи 5. Такие обстоятельства, наиболее вероятно, вызвали у заявителя боль и страдания. Исходя из этих соображений и решений по аналогичным делам (...), Суд, руководствуясь принципом справедливости, присуждает заявителю 20000 евро как компенсацию морального вреда» [9].

Косвенным подтверждением оптимальной пригодности концепции адекватной причинной связи для установления таких непереносимых условий возмещения морального вреда, как фактическое наличие последнего и его обусловленность поведением правонарушителя, служит настойчивое следование ЕСПЧ своей прецедентной практике при определении размеров присуждаемых компенсаций, а также вынесение решений с присуждением справедливой сатисфакции в целом, без ее разграничения на отдельные суммы, предназначенные специально для возмещения имущественного, морального вреда и компенсации судебных издержек. Например, в решении от 26 июля 2012 г. по делу «Харук и другие против Украины» указывается: «Принимая во внимание принципы определения размера компенсации, которая присуждается в случае установления нарушения Конвенции относительно невыполнения решений по подобным делам, Суд считает разумным и справедливым назначить 3000 евро каждому заявителю по заявлениям, которые касаются неисполнения решений продолжительностью больше трех лет ... и 1500 евро каждому заявителю по другим заявлениям. Указанные суммы являются возмещением любого материального и морального вреда, а также компенсацией судебных издержек» [10].

Наконец, говоря о значении оценки со стороны ЕСПЧ субъективной стороны поведения органов государства – нарушителя Конвенции, а иногда и заявителя, следует обратить внимание на такие два ключевых обстоятельства. Во-первых, Суд придерживается точки зрения, согласно которой возможная добросовестность субъектов публичной администрации не освобождает государство – ответчика от ответственности за нарушение прав заявителя [11]. То есть в этом аспекте можно говорить об использовании модели так называемой объективной (не-

зависимой от возможной невинности непосредственного правонарушителя) ответственности. Во-вторых, невзирая на сказанное, соблюдение требований добросовестности – причем обеими сторонами дела – является предметом непосредственного судебного рассмотрения. Соответственно, можно предположить, что наличие грубой вины в действиях представителей власти в зависимости от обстоятельств конкретного дела может приводить к увеличению объема ответственности государства; и наоборот – проявленная заявителем недобросовестность способна минимизировать размер присуждаемой ему компенсации.

Выводы. Изложенное в настоящей статье позволяет сделать определенные выводы о возможном преломлении в правоприменительной практике государств, правовая доктрина которых сохраняет преэминентность по отношению к базовым юридическим конструкциям, выработанным наукой гражданского права бывшего СССР, правовых позиций Европейского суда по правам человека, сформулированных им при рассмотрении дел, сопровождающихся разрешением требований о возмещении морального вреда, причиненного нарушением Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод:

1. Юрико-фактическим основанием для возмещения морального вреда может быть нарушение как личного нематериального, так и имущественного права потерпевшего. Причем возмещению должен подлежать не любой, а лишь достаточно существенный моральный вред.

2. Моральным вредом следует считать любые негативные последствия, наступившие в нематериальной сфере потерпевшего, которые в силу их природы не могут быть компенсированы в рамках механизма возмещения имущественного вреда, однако в связи с наличием которых соображения справедливости, разумности и добросовестности побуждают предоставить потерпевшему определенное имущественное вознаграждение за счет правонарушителя либо лица, отвечающего за действия непосредственного причинителя вреда. Различие между механизмами возмещения имущественного и морального вреда определяется отличием соответствующих объектов противоправного посягательства: в одном случае имеет место материально

(имущественными потерями), а в другом – сугубо морально (исключительно требованиями справедливости, разумности и добросовестности) обусловленное возмещение вреда.

3. Несмотря на возможность различного словесного обозначения совокупности нематериальных последствий правонарушения, в связи с которыми присуждается компенсация, отличная от возмещения материального вреда (например, моральный или нематериальный вред, нематериальный ущерб или нематериальные убытки), в каждом случае ее присуждения речь идет о применении одного и того же компенсационного механизма, действие которого всецело обусловлено судебной интерпретацией морально-правовых императивов справедливости, разумности и добросовестности. Потому совершенно адекватным обобщающим обозначением для компенсации указанных потерь является термин «возмещение морального вреда».

4. Учитывая невозможность достоверного установления всех проявлений и характеристик причиненного потерпевшему морального вреда, оптимальным способом определения его наличия и присущих ему индивидуальных параметров следует считать построение умозрительной модели возникновения разумно ожидаемых, обычных при аналогичных обстоятельствах, последствий совершенного правонарушения. Потому, обращаясь к распространенным теориям причинной обусловленности, следует признать наиболее подходящей для объяснения особенностей функционирования механизма возмещения морального вреда теорию адекватной причинно-следственной связи.

5. Справедливым и разумным видится исключение вины из состава условий ответственности публично-правовых образований за моральный вред, причиненный слабой («подвластной») стороне в публичных правоотношениях. Впрочем, это не исключает необходимости оценки и сопоставления субъективной стороны поведения сторон спора с целью определения справедливого размера присуждаемой потерпевшему компенсации, а иногда – и для выяснения правомочности действий представителей власти (если эта правомочность обуславливалась степенью проявленной субъектом публичной администрации заботливости и осмотрительности).

Список использованной литературы:

1. Рішення Європейського суду з прав людини від 29.06.2006 р. у справі «Волошок проти України» // Офіційний вісник України. – 2006. – № 43. – Ст. 2935.

2. Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кетц : в 2 т. – М. : Междунар. отношения, 1998. – Т. 2. – С. 491–492.

3. Рішення Європейського суду з прав людини від 15.10.2009 р. у справі «Юрій Миколайович Іванов проти України» // Офіційний вісник України. – 2010. – № 13. – Ст. 651.

4. Рішення Європейського суду з прав людини від 22.02.2005 р. у справі «Новоселецький проти України» // Офіційний вісник України. – 2005. – № 31. – Т. 2. – Ст. 1917.

5. Рішення Європейського суду з прав людини від у справі «Шинкаренко проти України» // Офіційний вісник України. – 2007. – № 78. – Ст. 2930.

6. Рішення Європейського суду з прав людини від 25.10.2007 р. у справі «Яковенко проти України» // Офіційний вісник України. – 2009. – № 35. – Ст. 1219.

7. Рішення Європейського суду з прав людини від 06.09.2007 р. у справі «Шамрай проти України» // Офіційний вісник України. – 2008. – № 3. – Ст. 99.

8. Рішення Європейського суду з прав людини від 28.05.1985 р. у справі «Абдулазіз, Кабалес і Балкандалі проти Сполученого Королівства» // Практика Європейського суду з прав людини. Рішення. Коментарі. – 2004. – № 3; Інформаційно-правова система «Законодавство» [Електронний ресурс].

9. Рішення Європейського суду з прав людини від 06.09.2007 р. у справі «Кучерук проти України» // Офіційний вісник України. – 2012. – № 81. – Ст. 3299.

10. Рішення Європейського суду з прав людини від 26.07.2012 р. у справі «Харук та інші проти України» // Офіційний вісник України. – 2012. – № 75. – Ст. 3061.

11. Комюніке Секретаря Європейського суду з прав людини стосовно рішення від 14.02.2008 р. у справі «Харді-Віонне проти Швейцарії» // Юридичний вісник України. – 2008. – № 22. – С. 12; CASE OF BURDOV v. RUSSIA (No. 2) [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-90671>.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВОЗДУШНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ. ТАМОЖЕННЫЕ ВОПРОСЫ

Марина РАСКАЛЕЙ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Национального университета государственной налоговой службы Украины

Summary

The content and relations between the concepts of the customs and state territory where analyzed in the article by the means of disclosure the concept of state sovereignty in the air space in general as well as taking into account specifics of international air transportations. Concept and procedures of some customs formalities during international air transportation where revealed based on the analysis of legal literature and legislative acts. The necessity of this issue further study justified that will provide stable development in aviation industry as well as national economic security.

Key words: state territory, international air transportations, sovereignty, customs border, customs territory.

Аннотация

С помощью раскрытия понятия государственного суверенитета в воздушном пространстве в статье рассматривается содержание и соотношение понятий таможенной и государственной границы, таможенной и государственной территории как в целом, так и с учётом специфики международных воздушных перевозок. Кроме того, на основе анализа юридической литературы и нормативных актов автором сделана попытка раскрыть содержание понятия и дать характеристику порядка осуществления некоторых таможенных формальностей при международных воздушных перевозках. В статье также обосновывается необходимость дальнейшего изучения указанного вопроса с целью обеспечения стабильного развития как авиационной отрасли, так и экономической безопасности государства.

Ключевые слова: государственная территория, международные воздушные перевозки, суверенитет, таможенная граница, таможенная территория.

Постановка проблемы. В условиях глобализации и либерализации международных экономических отношений для дальнейшего развития государствам необходимо сотрудничать. Именно международное сотрудничество, являясь одним из принципов международного права, который проявляется практически во всех сферах человеческой деятельности, остаётся наиболее важным способом реализации государствами своих национальных интересов. Международные воздушные перевозки как грузовые, так и пассажирские, выходя за границы одного государства, требуют урегулирования не только на национальном, но и на международном уровне. И одним из наиболее важных вопросов такого урегулирования является пересечение как государственной, так и таможенной границы.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Украина, будучи географически достаточно большим государством, распоряжается значительным воздушным пространством, которое используется как для национальных, так и для между-

народных перевозок. Такие международные перевозки предусматривают пересечение не только государственных границ, но и границ таможенных. Несмотря на то, что решение таможенных вопросов при международных воздушных перевозках имеет важное значение для дальнейшего экономического развития государства, данная тематика не достаточно раскрыта в научной литературе.

Состояние исследования. Вопросам международного воздушного права уделялось достаточно много внимания, как например, в работах А.А. Баталова, В.Д. Бордунова, А.Н. Брылова, Б.П. Елисеева, В.С. Грязнова, Ю.Н. Малеева, В.И. Рыжего, Р.В. Сакача, В.М. Тихонова и других. Отдельным вопросам международного таможенного права посвятили свои работы К.Г. Борисов, Н.Э. Буваева, И.И. Дюмулен, Е.И. Сидоров и другие. Вместе с тем вопросы таможенного регулирования при международных воздушных перевозках оставались нераскрытыми.

Целью и задачей статьи является исследование специфики урегулиро-